

Память

Удивительно, что 30 лет спустя после распада СССР, когда речь идет о недостатках в сфере современной исторической науки, конкретные минусы рассматриваются как наследие советского прошлого.

Не случайно поэтому, в предложенном недавно для обсуждения проекте концепции развития сферы исторической науки в Республике Узбекистан до 2030 года [1], в качестве одного из важных ожидаемых результатов подчеркивалось следующее: «на основе совершенно новых научных подходов, соответствующим национальным интересам будет подготовлена серия научных трудов по истории узбекского народа и его государственности, и таким образом разрушен фундамент, построенный советской исторической школой, который сохраняется в настоящее время».

Сама идея разрушения – не новая, разрушить гораздо легче, чем построить. Примерно также начиналась политическая и идеологическая история СССР, когда ставилась цель разрушить старый мир и построить новый. В итоге начались репрессии и представители интеллигенции «старого времени» уничтожались, наряду с другими «классовыми врагами». Правда, в тот период, вместо понятия «национальные интересы» главенствовали интересы «пролетарского интернационализма».

Закономерную озабоченность вызывает проявление «научного» высокомерия составителей проекта указанной выше концепции и их стремление исключительно к отрицанию. Но любая концепция, как система научных взглядов, должна основываться на идее созидания, а не разрушения предыдущих научных достижений. А ведь они были, да еще какие. Вспомним хотя бы годы высочайшего подъема среднеазиатской археологии, когда научные открытия следовали один за другим. Они признавались международным научным сообществом, независимо от отрицательного отношения на Западе к советской политике и идеологии. Результаты этих открытий получили отражение в соответствующих разделах всеобщей истории и изучаются во всем мире. Все это является правдой, которая не зависит от современных негативных оценок результатов исследований минувших лет. В том мире, в сфере всех наук были и первооткрыватели. Важно помнить об этом.

Судя по содержанию рукописи новой книги «История Узбекистана», подготовленной авторским коллективом, на которую, по просьбе издательства «Узбекистан», автор этих строк недавно дал отзыв, и указанный выше проект концепции, и данная рукопись книги написаны одними и теми же специалистами гуманитарных академических учреждений. Так в проекте

концепции, в числе ведущих направлений развития исторической науки Узбекистана, особо подчеркивается создание многотомной «исторической энциклопедии Туран». А названная выше рукопись написана ни как «История Узбекистана», а как «История Турана». И этот мифический Туран, по мнению авторов, охватывал огромную территорию от Центрального Казахстана до Каспийского моря, предгорий Копетдага, Гиндукуша, Памира и Тянь-Шаня. В центре Турана, якобы находилась территория Узбекистана.

Если следовать традиции исторической географии, отраженной в ранних письменных источниках, то в Центральной (Средней) Азии проживали оседлоземледельческие народы – согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, арии, а также кочевые скотоводческие племена – саки и массагеты. Название «Туран» в древних источниках не упоминается. Оно было создано в героической поэме Фирдоуси «Шахнаме» и видимо, связано с названием скотоводческого племени «тур», «тура», сохранившегося в пехлевийских текстах «Авесты».

В плане современной мифологизации географического пространства мы, очевидно, должны обратить внимание на то, что согласно книге «Рухнама» ещё пять тысяч лет назад все земли от Каспия, предгорий Копетдага и Гиндукуша, междуречья Амударьи и Сырдарьи до Волги были «заняты» вовсе не Тураном, а древним Огузтуркменским государством. Согласно другой, «новой» версии, на всей территории Средней Азии в древности располагался «исторический Таджикистан».

И напротив, в недавнем прошлом подчеркивалось, что древняя и средневековая история среднеазиатских народов во многом общая и развивалась она на одной и той же территории. Но затем в течение 90-годов прошлого века и в начале XX столетия проявилась ярко выраженная тенденция приукрашивания, а также чрезмерной идеализации далеких событий и мифологизации древней и средневековой истории отдельных народов Центральной Азии. Под маркой освобождения от прежних догм утверждался принцип свободной интерпретации исторических событий. Все это «соответствовало» национальным интересам. Об этом сказано достаточно много [2].

В рукописи книги «История Узбекистана» особое место занял метод вольного обращения с историческими источниками. В освещении событий средневековой истории авторы отказались от термина «Мавераннахр», в их рассказах о походах Александра Македонского в Согдиану (на основе греко-римских источников) фигурирует не «Мараканда», а «Самарканд и самаркандцы», то же самое – вместо Бактрии – «Бахтар», города Бактры – «город Бахтар». Все это выдумка авторов, так как в древних источниках страна и город «Бахтар» неизвестны. Если такое обращение с источниками допустимо в академических кругах, то стоит ли критиковать других «специалистов».

Теория о «феномене» отдельного народа, его этнической избранности и культурном превосходстве оказалась заразительно устойчивой. В продолжение данной темы, неожиданно был поставлен вопрос о роли и месте «Великой степи» в истории мировой цивилизации.

Аргументы, приводимые в одной из последней по времени статье на эту тему: «Семь граней Великой степи», опубликованной в электронных СМИ [3], искажают историческую объективность. Они имеют политическую и идеологическую направленность. К таким относится утверждение о том, что большинство протогосударственных объединений образовалось на территории Казахстана и «выдающиеся культурные достижения не были привнесены в степь, а в большинстве случаев родились именно на этой земле и лишь затем распространились на Запад и Восток, Север и Юг». Таким образом предки казахов имели «неразрывную связь с самыми передовыми технологическими новациями и были родоначальниками изобретений, «которые до сих пор используются во все частях света». Они якобы впервые одомашнили лошадь, стали одними из первых металлургов, изобрели «первые прообразы» штанов, а также саблю; Казахстан – родина яблок и тюльпанов и т.п.

Однако аналогичные и удивления достойные факты давно уже изложены. В книге «Рухнама», применительно к истории Туркменистана и туркмен.

Казахстан – родина яблок и тюльпанов, Туркменистан – пшеницы ак бугдай. Кто первым одомашнил лошадь, изобрел колесо, седло, саблю и штаны, кто стал первым металлургом...? Все это сравнительно – состязательный подход и не более чем попытка использования истории в амбициозных целях, в качестве «политического ресурса». За последние 30 лет на постсоветском пространстве, история стала популярным занятием творческой интеллигенции, общественных деятелей и политиков, причем стремление пересмотреть историю часто доводилось до абсурда.

В масштабах Центральной Азии и Казахстана также не смогли избежать построения внешне привлекательного, псевдонаучного мира прошлого. Такой подход, в конечном итоге, привел к мифологизации истории, приукрашиванию и идеализации далеких событий, и к сожалению – к преувеличению этнической исключительности и избранности отдельных народов.

И на этом фоне регионального «мифотворчества», в 2021 году наши историки поставили задачу «научно обосновать традиционно ведущее место узбекского народа и его государственности в истории цивилизации человечества». В этом плане мы несколько отстали от своих соседей, так как все древние изобретения и культурные достижения, согласно приведенным выше публикациям, принадлежат именно им. Правда, и у нас есть аргументы, например, Ферганская долина являлась родиной «небесных коней» и корма для них – люцерны, а также винограда, граната и абрикоса. Отсюда все это –

породистые лошади и сельскохозяйственные культуры распространились затем, если не на Запад, Север и Юг, то точно – на Восток. Об этом пишут древние китайские источники.

Несколько слов об изобретении штанов. На каменных рельефах дворца древнеперсидских царей Дария I и Ксеркса в Персеполе (Иран, V в. до н. э.) в изображениях группы данников, несущих дары царю, фигурируют кочевые племена саков. Они несут кафтаны и штаны. Но там же изображены бактрийцы, одетые в кафтаны и закатанные штаны, а согдийцы в своеобразной обуви, несут в руках отрезки тканей. В те далекие времена, бактрийцы и согдийцы, едва ли задумывались о том, что штаны и сапоги были изобретены их северными соседями – жителями Великой степи. Точно также, все люди, которые носят сегодня джинсы не думают о тех, кто впервые их сшил.

А теперь приведем примеры из книги, опубликованной более 65 лет назад. Они следующие: «Следует обратить внимание на вклад народов Узбекистана и Средней Азии в целом, в мировую культуру.

Лучшие ученые IX-XI вв., писавшие на арабском языке, вышли из Средней Азии. Это время породило таких гигантов мысли, как ал-Хорезми, Ахмад ал-Фергани, Ибн Сина и Беруни.

В начале XI века столица хорезмшаха Мамуна стала средоточием крупнейших ученых тогдашнего Востока. Во главе научной мысли этого времени стояли такие гиганты, как Ибн Сина и Беруни.

Во времена Султана-Хусейна и Алишера Навои в Герате достигли высшего расцвета архитектура, узбекская и таджикская литература, поэзия, историческая литература, живопись (миниатюра), каллиграфия, музыка.

Алишер Навои был великим узбекским поэтом... Навои никогда не покидал занятий наукой и поэзией» [4].

Так писали представители той самой школы, фундамент которой ныне пытаются разрушить. Это обращение из недалекого прошлого всем тем, кто в своих статьях и, выступая сегодня на телеканалах говорят о том, что в недавнем прошлом намеренно были забыты имена великих ученых и мыслителей, писателей и художников. Напротив, именно в том прошлом, с научной точки зрения были оценены и издавались большим тиражом труды многих великих среднеазиатских ученых, а также произведения средневековых писателей и поэтов. Но самое главное – их читали и изучали. И хотя историческая наука, в известной степени, была идеологизированной, и не лишена ошибочных оценок исторического процесса, в то время не создавались мифы о далеком прошлом народов Центральной Азии, а проводились фундаментальные научные исследования в сфере археологии, этнологии, источниковедения, востоковедения, искусствоведения и литературы, не говоря уже о естественных науках.

В истории, независимо от типов государственности, социально-экономического строя и системы управления – деспотии, тирании,

абсолютной монархии, рабовладения, так называемого капиталистического и социалистического строя, жили и творили великие мыслители, ученые, поэты и зодчие. Такое развитие духовности, науки и культуры происходило и в Средней Азии.

К вопросу о весьма популярном ныне тезисе – «традиционно ведущем месте государственности» народов в истории цивилизации человечества. Это положение во многом совпадает с одним из лозунгов советской политической школы: «Великий Советский Союз, главный и надежный оплот мира и цивилизации во всем мире». Ничего нового мы в этом плане не изобрели.

Казалось бы следовало давно признать, что какие-либо племена и этносы, а также государства, существовавшие в истории Средней Азии, не могут служить символом всей истории и культуры этого весьма важного в геополитическом отношении региона. Однако, когда история используется в амбициозных целях и служит политической конъюнктуре – правда впадает в глубокий сон.

В результате завоеваний, территория Средней Азии, в разное время, частично или полностью входила в состав государства ахеменидов, Александра Македонского и селевкидов, Греко-Бактрийского и Кушанского царства, государства эфталитов, Тюркского каганата, Арабского халифата и караханидов, Золотой Орды и Чагатайского улуса, а также шейбанидов и Российской империи. На новых, завоеванных территориях оседала значительная часть пришлого населения. Таким образом состав местного населения в различные периоды пополнялся не только за счет внутреннего роста, но и миграций. В истории региональной государственности проявлялось множество политических и этнокультурных процессов. Взаимодействие автохтонных традиций и внешних факторов способствовали проявлению этнокультурных инноваций.

В каждом столетии истории существовало характерное для того века накопление людьми опыта как положительного, так и отрицательного. Поэтому, когда речь идет о средневековых государствах региона, основанных различными династиями, неверно сглаживать минусы минувших веков. Некоторые из этих государств достигали военной мощи и экономического процветания, но в конечном итоге, в результате междоусобных войн или внешних вторжений и завоеваний, они прекращали свое существование.

Эта политическая реальность не являлась региональной особенностью и была характерной для всемирной истории в целом.

В монографической работе, посвященной истории государственности Узбекистана отмечается, что «наиболее важными представляются проблемы, связанные с потерей среднеазиатскими ханствами своей самостоятельности и уничтожением институтов государственности после завоевания региона Российской империей» [5].

Проблемы, в общем, известны. Они связаны не только с внутренней политикой, но и моралью высших слоев и правящей элиты, не заслуживающей положительной оценки [6], а также с междоусобицами, жестоким подавлением всякого инакомыслия и непокорности. Особой жестокостью отличался, например, бухарский эмир Насрулла. Эта жестокость проявлялась в течении его правления не только внутри эмирата, но и в войне Бухары против Коканда. По словам кокандского историка того времени, грабеж, насилие и поголовная резня, например, жителей Канибадама, учиненная войсками эмира Насруллы «не вмещаются в разум» [6, с. 410-411]. Затем стремление к сохранению «своей самостоятельности и государственности» проявилось в политике его сына – эмира Музаффар.

Вот что говорится об этом в источнике: «Эмир Музаффар зимою, в пору сильного мороза, с многочисленным войском отправился в Хисар. Когда он дошел до вилоята Дехнау (современный Денау в Сурхандарьинской области – А.С.), то предпринял такую резню, что ошеломил тех, кто услышал о нем и напомнил кровопролитие Чингизхана, и неповинующиеся противники прикусили пальцы удивления...

В это время войско России начало завоевать один за другим вилояты Туркестана. Оно под предводительством генерала Черняева, полководца, завоевало Ташкент и двинулось дальше» [7].

Это к вопросу о «едином Туране – Туркестане», который разделился на три региональных государства, потерявших затем свою самостоятельность.

Но был ли когда-либо единый Туран – Туркестан, объединенный в долгосрочной перспективе в рамках каких-то государств и так называемой «Туранской цивилизации», а тем более – «единый народ» регионального масштаба?

Известно, что в разных природно-географических условиях Центральной Азии, начиная с древних периодов, формировались различные хозяйственно-культурные типы и историко-культурные области. В степях преобладали скотоводческое хозяйство и традиции родо-племенной организации общества. В речных долинах развивалось земледелие и родо-племенные отношения потеряли свое значение четыре тысячи лет назад, когда в южных областях региона сформировались первые города и цивилизация. Новые археологические открытия свидетельствуют о том, что эта цивилизация получила развитие как на местной основе, так и в результате широкомасштабных внешних миграций эпохи бронзы из высокоразвитых областей Древнего Востока. И едва ли правильно называть данную цивилизацию Центральной Азии исключительно «Туранской». Такой подход не меняет подлинных событий прошлого.

Деление средневековых государств на улусы-уделы, даже при наличии сильной власти и централизованного управления, в конечном итоге приводило к междоусобным войнам и развалу тех или иных государств

(Тюркский каганат, государства караханидов и темуридов). И особенно минусы удельной системы управления проявились при шейбанидах.

Переселившиеся в Мавераннахр в начале XVI века племена кочевых узбеков, на правах победителей династии темуридов заняли лучшие земли для «кормления». Военные предводители кочевых племен-бии сохраняли определенную независимость от ханской власти и активно вмешивались в государственные дела. Отдельные владения – «юрты» враждовали друг с другом. В стране не прекращались раздоры. Междоусобная борьба привела к гибели династии шейбанидов.

При следующей династии – аштарханидов происходил дальнейший процесс раздробленности и развала местной государственности. В это время предводители узбекских племен продолжали поднимать на трон избранного хана на белом войлоке, но также легко лишали его трона, если «надо» убивали хана или изгоняли верховного правителя из страны. Вторжения в Мавераннахр казахских племен и грабительские военные нашествия в Бухарские владения хивинских ханов приводили к широкомасштабному опустошению государства аштарханидов.

Не может служить каким-либо примером единства и история Хивинского ханства. В начале XVII в. междоусобная борьба в Хорезме достигла высшей точки развития. В результате этого престарелый хан Араб-Мухаммад был предательски ослеплен собственными сыновьями (Хабаш и Ильбарс).

Воинственные туркменские племена активно вмешивались в хивинские дела. Они свергли занявшего ханский трон Ильбарса и при их содействии на престол был возведен другой сын Араба-Мухаммада – Асфандияр. Всячески угождая своим покровителям – туркменам, он жестоко притеснял узбеков и как писал очевидец тех драматических событий, «избивали стариков, юношей и новорожденных». Развал государственной власти в Хивинском ханстве привел к тому, что с середины XVIII в., вследствие постоянной смены правителей, когда среди них не было достойного наследника престола, ханами в Хиве провозглашались казахские султаны.

Казалось бы указанные факты общеизвестны. В данном аспекте мало чем отличалась и история Кокандского ханства. Как известно, этим ханством были завоеваны юго-восточные области расселения Старшего жуза казахов, земли кыргызов до Иссыккуля и территории к югу от Ферганской долины, населенные горными таджиками, т.е. «объединение» разных племенных групп и этносов в пределах ханства происходило исключительно военным путем, с применением силы. И далеко не случайно, что современные историки соседних стран оценивают это время, как период «колониального правления» Коканда. Аргументы, оправдывающие указанные события, отсутствуют.

Начиная с конца XV в. (не считая время правления Абдуллахана II, которому, после долгой борьбы, в 1583 г. удалось объединить под своей

властью все непокорные владения) вплоть до завоевания Ташкента в 1865 г. войсками Российской империи, т.е. на протяжении более 300 лет в Туркестане происходили ожесточенные междоусобные войны, которые сопровождались массовыми грабежами и убийствами. В такие периоды игнорировались всякие законы, мирное население страдало от войн и набегов, на их долю выпадали огромные бедствия.

Население Туркестана подразделялось на оседлых жителей земледельческих оазисов и городов, а также полуоседлых и кочевых племен. Это население различалось по диалектам тюрского языка. Городское население отдельных областей говорило как на узбекском, так и на таджикском языках.

Вследствие увеличения поголовья скота и ограничения пастбищ или наступления в степи засухи, кочевники традиционно двигались в земледельческие районы, что становилось причиной конфликтов между оседлым и кочевым населением. Переселение кочевых племен и захват ими новых территорий приводили к борьбе за власть.

Эта тема особая, так как массовые миграции скотоводческих племен начинались в Средней Азии в эпоху бронзы, более 3,5 тысяч лет назад и на разных исторических этапах они завершались гегемонией кочевых династий. Так было в регионе и в эпоху позднего средневековья.

Показательной является завоевательская политика иранского правителя Надиршаха (1736-1747 гг.), который принадлежал к туркменскому племени афшар. Его деятельность начиналась в качестве военачальника сефевидского шаха Тахмаспа II в борьбе за изгнание из Ирана турок. Надиршах успешно воевал и со «своими» туркменами, и бухарскими аштарханидами, и хивинцами. На западе он одержал победу над турками-османами, а на востоке разгромил армию бабуридов и разграбил их столицу Дели. Во всех приведенных выше случаях речь идет о войнах правителя, по происхождению тюрка с тюркоязычными племенами, народами и династиями. Поэтому языковой и этнические факторы, которым некоторые современные исследователи придают определяющее значение в разработке вопроса об истоках единства «тюркского мира», не были объединяющими индикаторами, что наглядно проявлялось в политических процессах средневековья. Как показано выше, большинство среднеазиатских правителей разных династий не стремились к интеграции.

В то время более актуальными были военные союзы. К примеру, с помощью Надиршаха укрепил свое положение в Бухаре Мухаммад-Рахим, происходивший из племени мангытов. Как отмечалось в исторических хрониках, Надиршах оказал поддержку Мухаммаду-Рахиму, как «сыну, сделав его предводителем большого числа узбекских воинов» [8]. В 1747 г. Мухаммад-Рахим организовал дворцовый переворот. Аштарханид Абулфайзхан был убит, к власти пришла династия мангытов. Так начиналась история Бухарского эмирата.

Непрекращавшиеся династические распри и кризис власти приводил к межэтническим столкновениям. К середине XIX в. политические и экономические кризисы, потрясавшие среднеазиатские государства окончательно ослабили их [9].

Таким образом, взаимоотношения между различными тюркоязычными этносами, оседлым и кочевым населением Туркестана оставались довольно сложными. В настоящее время мы располагаем относительно небольшим числом научных работ, в которых предпринят правдивый анализ этих взаимоотношений.

Стремление ряда современных турецких историков и политиков к интерпретации возвышенной тюркской истории от Тюркского каганата до Османской империи, и соответствующие выводы об историческом единстве тюрков, а также Турана – Туркестана, несмотря на мифологизацию истории, оказали определенное влияние на взгляды молодых историков Центральной Азии, в том числе Узбекистана, которые сравнительно недавно обучались в магистратуре и проходили стажировку в турецких университетах.

Идея о необходимости политической консолидации тюркских народов на основе этнической, культурной и языковой общности зародилась во второй половине XIX в. и окончательно сформировалась в Турции в начале XX в. Эта доктрина объявляет все тюркоязычные народы одной нацией, что не соответствует исторической действительности. Учитывая множество факторов в истории, следует также помнить о том, что богатое культурное наследие разных народов, начиная от цивилизации древних хеттов, греков, римлян и византийцев, стало также наследием тюркских предков турецкого народа, пришедших с Востока в Малую Азию в качестве завоевателей.

И сегодня с точки зрения генезиса, т.е. происхождения, не имеющие изначально никакого отношения к историческому наследию «тюркского мира» такие выдающиеся памятники истории и культуры, как неолитической Чатал Гююк, развалины легендарной Трои на холме Гиссарлык, дворцы и храмы древнегреческих городов Малой Азии, амфитеатр в Памук Кале и другие памятники способствуют интенсивному развитию международного туризма в Турции.

Все это свидетельствует о том, что независимо от наличия каких-либо доктрин политического характера, историко-культурное наследие не имеет границ и является общим достоянием.

Некоторые историки, допуская ошибки исторического порядка, пишут следующее: «В 1924 году на политической карте Центральной Азии появились новые пять государств: Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, а вместо единого народа было сформировано пять наций таких как казахи, киргизы, узбеки, таджики и туркмены» [10].

Понятие «народ» практически то же, что и «нация» – исторически сложившаяся общность людей, которая возникает на основе общности языка, территории, культуры и т.д. Но дело не в этом. В указанном выше выводе

отмечается полное пренебрежение таджиков. Они не относятся к тюркоязычным народам и не связывают себя в этническом плане с «тюркским миром».

Уже в первые годы независимости, когда началось широкомасштабная переоценка истории народов Центральной Азии, проявилась критика несправедливого административно-территориального разделения Советами Средней Азии, как сторонниками «единого Туркестана», так и авторами идеи «исторического Таджикистана» [11]. Все это привело затем к заметной в исторической и общественно-политической литературе «иранизации» и напротив, «тюркизации» исторического процесса, протекавшего в регионе в древности и средневековье.

Критика политики разделения так называемого единого Туркестана порождена идеей отрицательной оценки этой политики, но без учета реалий своего времени. В качестве причин обычно, называют необходимость «искоренения большевиками солидарности и братских уз тюркских народов» а также «уничтожения целостности и единства Туркестана». Подобные выводы механически повторяются в статьях и диссертациях молодых ученых. Возвращаясь к поднятой проблеме, следует отметить, что при любых вариантах Тюркская или Туркестанская республика была бы создана в составе СССР, а не как независимое государство.

И все же предположим, что в итоге национально– территориального размежевания были бы образованы не отдельные среднеазиатские республики, а, включая Казахстан – единая Туркестанская Советская Социалистическая Республика. И совершенно очевидно, что на территории этой огромной, предполагаемой Туркестанской республики, после развала СССР, в процессе решения вопроса об исторических территориях того или иного этноса мог повториться «югославский сценарий» и возможно, более трагический, учитывая глубокие исторические корни местных клановых, земляческих и родо-племенных традиций. Однако все это всего лишь предположение. Аналогичный сценарий не повторился. У каждого народа Центральной Азии были обозначены территориальные границы.

Рассматривая проблему «разделения единого Туркестана», следует отметить наличие альтернативных подходов. Они следующие: «Однако если бы в 1924 году в составе СССР не появилась бы республика под названием Узбекистан..., то этого государства не было бы на политической карте мира и не было бы отдельного народа с этническим названием «узбек» [12]. Такая постановка вопроса справедлива и по отношению к другим республикам – Казахстану, Кыргызстану, Таджикистану и Туркменистану.

Особо опасным является, когда тезисы об «утраченных исторических территориях» и разного рода фантазии о возможности пересмотра современных границ государств Центральной Азии получают отражение в печати. Так стоит ли развивать далее всякого рода теории о «великом Туране», стоит ли возвращаться в средневековье, в героический мир

«Шахнаме», где отражена борьба Ирана и Турана? Все это напоминает порой, движение вперед с постоянной оглядкой назад, хотя совершенно очевидно, что нельзя жить только воспоминаниями о прошлом, которое как исторический процесс, всегда проигрывало настоящему. Реальность заключается в том, что история государственности любого народа является не только героической, но также трагической.

Быть может настало время обратиться к традициям среднеазиатской исторической школы, у истоков которых стояли такие великие люди, как Наршахи и Беруни. Им было совершенно чуждо надменное отношение к культуре иных народов. Их произведения проникнуты чувством высокого уважения к истории минувших поколений.

В далеком прошлом на Востоке проявлялась религиозная терпимость, «полное отсутствие расовой ненависти и чувства превосходства одного народа над другими» [13]. И также у тюркоязычных и ираноязычных народов Средней Азии этнокультурный, языковой и религиозные факторы не служили барьером для экономического обмена и культурных связей.

У народов Центральной Азии была и есть во многом общая история и культура, у них и общее будущее, которое зависит от укрепления сотрудничества. В этом плане следует отметить, что по инициативе Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева заложена реальная основа углубления интеграции и сотрудничества в региональном масштабе. И эта политика успешно осуществляется на практике. Поэтому зачем воздвигать на этом пути новые искусственные барьеры, подчеркивая вновь «феномен» отдельного народа, его «традиционно ведущее и несравнимое место» в истории мировой цивилизации. Главная задача ученых – не разъединять, а объединять народы, способствовать дальнейшему расширению диалога культур.

Исторические события, видимо, необходимо оценивать не с высот сегодняшнего дня, а постараться воспринимать их объективно, в контексте общемирового исторического процесса. Едва ли целесообразно широкомасштабно навязывать другим лишь свои идеи и представления, считая их единственно правильными, воспринимая все иное – как враждебное и главное – не создавать из недавнего прошлого, исключительно «образ врага».

В том прошлом мы получили среднее и высшее образование. Там остались мудрые люди – наши наставники и поколения людей, которые строили, производили, лечили, обучали и воспитывали, решали научные проблемы. И несмотря на сложности конкретного времени, в котором жил простой человек, в большей мере он был созидателем и стремился к добру. Это важно знать молодёжи, которая пойдёт дальше нас и достигнет в жизни гораздо больше успехов.

Это принципиально важно понять также и составителям будущих концепций развития сферы исторической науки. Общеизвестно, что историю

необходимо изучать и знать с точки зрения её научного, познавательного, практического и воспитательного значения. Поэтому содержание любых научных концепций должно быть лишено положений, напоминающих идеологические лозунги пропагандистского толка. Научная концепция не должна способствовать воспитанию чувства национального высокомерия, тщеславия и мании величия, так как мир невозможен без толерантности. Из истории необходимо извлекать все преподанные ею уроки и в первую очередь те, что связаны с горькими плодами соперничества и нежелания искать взаимопонимание.

Источники и литература

1. Проект: «Узбекистон Республикасида тарих фани соҳасини 2030 йилгача ривожлантириш концепцияси»/project.gov.uz 20.03.2021
2. Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С. Современные мифы о далеком прошлом народов Центральной Азии. – Ташкент: Изд. имени Чулпана, 2007. Издание 2-е, дополненное. – 55с.
3. Статья Главы государства «Семь граней Великой степи»/elbasy/kz
4. История Узбекской ССР. Том I. Книга первая/ Под ред. С.П. Толстова, Р.Н. Набиева, Я.Г. Гулямова, В.А. Шишкина. – Ташкент: Изд. АН УзССР, 1955. – С. 55, 227, 265-266, 363-366.
5. Ртвеладзе Э.В., Алимова Д.А. От редакторов // История государственности Узбекистана. Т. I. – Ташкент: «Узбекистан», 2009. – С. 14-15.
6. Бабаджанов Б.М. Кокандское ханство: власть, политика, религия. – Токио–Ташкент, 2010. – 744 с.
7. Мирза Салимбек. Тарих-и Салими / Пер. с персидского Н.К.Норкулова. – Ташкент: «Akademiyа», 2009. – С. 36-37.
8. Анке фон Кюгельген. Лигитимация среднеазиатской династии мангитов в произведениях их историков (XVIII–XIX вв.). – Алматы, 2004. – С. 237.
9. Сагдуллаев А.С. Особенности развития государственности в Средней Азии (до середины XIX в.) // Қадимги давлатчилик ва урбанизация. – Тошкент, 2010. – С. 58-60.
10. Четин Н.Д. Разделение «Великого Туркестана»: причины и последствия // Формирование историко-культурных областей в Центральной Азии и проблемы этнической географии. – Ташкент, 2018. – С. 22.
11. Масов Р. История топорного разделения. – Душанбе: Ирфон, 1991; Негматов Н.Н. Таджики. Исторической Таджикистан – Современный Таджикистан. – Гиссар, 1992.
12. Аскарлов А. История происхождения узбекского народа. – Ташкент: «Узбекистан», 2018. – С. 520.
13. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. Культура и экономика Ирана. – М.: Наука, 1980. – С. 342.